

бить'), лав. *berē* 'ребенок, сын' (ср. н.-е. **bher*), зан., груз. *ket-* 'дубина, палка' (ср. и.-е. **keth*), зан. *leṭa-* 'грязь, земля' (и.-е. **lata*), мегр. *lex-* 'больной' (ср. н.-е. **leik*), мегр. (>груз.) *tere* 'пруд, камешное русло источника' (ср. хетт. *amījar(a)* 'канал', греч. ἀράρις 'ров, канал'), лав. *māwabu* 'жаба', мегр. *žwabu* 'лягушка' (ср. н.-е. **g^heb(h)a*), зан. *naxw-* 'стирать' (н.-е. **snāu* < **sneHu*), зан. *nisa*, *nisa* 'невестка' (ср. н.-е. **snuso*), мегр. *reḱa* 'галечное русло реки' (ср. др.-иран. **raika*, др.-инд. **rēka*), лав. *kra*, мегр. (>груз.) (*r*)*ka* 'рог' (ср. н.-е. **kra*), лав. *ṛurni* (>груз. *ṛurne*) 'часть мельницы' (ср. н.-е. **g^hernu* 'жернов')⁷. Можно показать, по-видимому, что часть этих лексем была усвоена в весьма ранний период. Так, занские обозначения мотыжка и жабы обнаруживают переход **e* > *a* в соответствии с занским передвижением гласных, характерным для исконого материала. В занской лексеме 'стирать', по-видимому, прослеживается отражение индоевропейского ларингального согласного (еще Г. Шухардт показал невозможность вычленения в ней «префикса» *na-*)⁸. Несомненно, весьма древним достоянием картвельских языков должно быть и обозначение невестки, характеризующееся подобно предшествующему слову преодолением необычного для них консонантного комплекса *sn*. Следы этой лексемы засвидетельствованы и в грузинском (ср. глоссу *nusa-dia* 'жена дяди', зафиксированную в толковом словаре С.-С. Орбелиани⁹).

Вторая группа лексем этого пласта, тяготеющая к грузинской языковой области, может быть проиллюстрирована следующим рядом слов: груз. *ankara* 'уж' (и.-е. **ang^h(h)er*), груз. *dro* (>мегр. *rdo*) 'время' (др.-инд. *ṛtu* 'срок, время'), груз. *zux-* (>мегр. *zuntx-*) 'осетр' (и.-е. **ghdu* 'рыба'), груз. *kwet-* 'сычуг' (и.-е. **kuath* 'квасить'), груз. *madl-* 'благодарение' (и.-е. **meldh* 'ритуальное обращение к богу'), груз. *krazana* 'оса' (и.-е. **k^hrsen* 'шершень'), груз. *pirw-el-* 'первый' (и.-е. **pr^ho*), груз. *proč-* 'анус' (н.-е. **prōkto*), груз. (>мегр.) *rige-* 'галечное русло реки' (иран. *reg*, *rig*)¹⁰, груз. *prte-* 'крыло' (и.-е. **pter-*), груз. *čero-* 'журавль' (и.-е. **gero*).

Если оставить в стороне случаи очень позднего проникновения части подобных слов в мегрельский и сванский, в целом все они стоят в картвельском корнислове весьма изолированно. Несмотря на свою ареальную ограниченность отдельные из них также могут оказаться достаточно древними заимствованиями. Так, например, груз. *kwet-* 'сычуг', возможно, отражает былую умлаутизацию основы, т. е. процесс, засвидетельствованный лишь в сванском языке и предполагающийся также для отдаленного прошлого истории грузинско-занского ареала. С другой стороны, груз. *madl-* 'благодарение', вероятно, не случайно стоит очень близко к хеттскому продолжению указанной индоевропейской основы — *malda(i)*¹¹.

В заключение можно сказать, что приведенный материал располагает к выводу о реальности древнейших индоевропейско-картвельских языковых контактов. Конечно, в ходе дальнейшего исследования часть принятых здесь сопоставлений может отпасть (не исключено, в частности, что груз.-зан. **les-* 'тереть, точить' окажется

одним из наиболее ранних арменизмов). Трудно, однако, сомневаться в том, что в целом объем сопоставимого материала существенно возрастет, поскольку в настоящем сообщении приведена преимущественно побочная продукция исследований, ориентированных на решение пных задач.

Примечания

- ¹ Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным. — ВДИ, 1980, 3.
- ² Nehring A. Idg 'sechs'. — Die Sprache 1962, VIII, 2.
- ³ Schmidt K. H. Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache. Wiesbaden, 1962, 124; Джауцян Г. Б. Взаимотношение индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков. Ереван, 1967, 93.
- ⁴ Georgiev V. Lat. crus und clunis — Reste eines r/n Stammes. — Die Sprache, 1962, VII, 1.
- ⁵ Eichberg L. W. Etymologien vorindogermanischer Wörter aus orientalischen Sprachen. Freiburg, 1959, 63—64.
- ⁶ О заимствованном характере лексемы см.: Чикобава А. С. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942, 31 (на груз. яз.).
- ⁷ Об этой категории слов см. Климов Г. А. Несколько картвельских индоевропейских. — В кн.: Этимология. 1979. М., 1981.
- ⁸ Schuchardt H. (реферат). M. H. Adjarian. Étude sur la langue laze. — Mémoires de la Société de linguistique de Paris. P., 1899, X, 392.
- ⁹ Орбелиани С.-С. Сочинения. Тбилиси, 1965, IV, 600 (на груз. яз.).
- ¹⁰ Ср. Müller Fr. Kleinere Mitteilungen. — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, 1897, XIV, 204.
- ¹¹ Ср. Галея А. Арио-европейские, в частности иллирийские, элементы в грузинском языке. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. XXXI, IV. Тифлис, 1902, 16.

Р. М. Козлова

РЕКОНСТРУКЦИЯ

И ЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ ПРАСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ И ПРОБЛЕМА СТРУКТУРЫ ПРАСЛАВЯНСКОГО СЛОВА

Значительные успехи славистики в восстановлении и этимологизации праславянской лексики обязывают исследователей установить те причины, в силу которых некоторая часть праславянской лексики либо остается без удовлетворительной этимологии, либо не реконструируется вообще. Установление указанных причин приобретает особую значимость в связи с тем, что решение проблемы восстановления праславянского лексического фонда откроет прямой выход к решению более общих проблем — проблем славянского глотто- и этногенеза, контактов славян с другими народами, внутриславянских связей и др. Отсюда ясно, насколько осторожно должна решаться эта проблема.

Одной из важнейших причин несостоявшихся этимологий многих праславянских единиц, а также пропуска конкретных реконструкций в словарях-реконструкциях является, на наш взгляд, нерешенность проблемы структуры праславянского слова. Нерешенность названной проблемы, естественно, тормозит вообще дело этимологизации славянской лексики. Опыт работы по этимологизации лексики подсказывает, что решить вопрос структуры праславянского слова, а точнее, формирования его структуры можно не на произвольном круге слов, объединенных тематически или в грамматические категории — части речи, а на лексическом материале, который вмещается генетическим гнездом, т. е. в той генетической микросистеме, в которой слово формировалось как единица языка.

Работа над словарным материалом определенных генетических микросистем (а нами исследуются и.е. гнезда близкой или идентичной семантики — **(s)ker-* 'гнуть; крутить, вращать; плести', **ger-* 'крутить, вертеть, обвивать', **(s)kek-* 'гнуть, сгибать' и под., что обеспечивает семантический контроль), выявление славянских континуант гнезда, осмысление связей между единицами гнезда и связей между структурными элементами единиц привели нас к твердому убеждению в том, что именно в генетическом гнезде можно постичь принципы линейного расширения индоевропейского корня, механизм праславянской аффиксации, определить структуру славянского суффикса и др. Изучение генетических гнезд очень важно также для установления правил семантической деривации, учет которых помогает поиску верных этимологических решений, для определения семантических мотивировок многих понятий, относящихся к исследуемым гнездам.

Структура праславянского слова — проблема многоаспектная. В данной статье мы остановимся лишь на одном из вопросов, касающихся структуры древнего славянского слова, — на вопросе детерминатива и детерминативации.

Из литературы по структуре корня известно, что и.е. корень распространялся детерминативами — специальными семантически незначимыми консонантными элементами, причем в качестве детерминатива мог быть любой согласный¹. Славянский материал дает возможность уточнить наблюдения относительно этой стадии линейного расширения и.е. корня: в тех диалектах и.е. языка, на основе которых сформировался праславянский язык (иначе говоря, в праславянском языке), в качестве детерминатива мог быть не просто любой согласный, а все единицы консонантной системы одновременно участвовали в распространении одного и того же корня. Так, если праславянский консонантизм состоял из *p, b, t, d, k, g, s, z, l, m, n, r, v, x, c, j, ž, č, š*, то каждый член этого ряда обнаружен в качестве распространителя корней на плавные *r, l*. Не участвовали в распространении только те согласные, на которые оканчивались корни — соответственно *г* и *л*.

Обратимся к доказательствам. В качестве примера возьмем одну из ступеней и.е. **(s)ker-* 'гнуть, сгибать; крутить, вертеть; плести' —

ступень с вокализмом **o* **kor-* / **skor-* (реже используются примеры с вокализмом в ступени редукции)². Здесь возможно восстановление следующих праславянских единиц.

**korpъ* / **skorpъ*, **korpa* / **skorpa*: укр. диал. *korona* 'жаба', *koronaviy* 'шероховатый, в бугорках' (Гринченко II, 287), *skoronjha* 'черепокожное животное' (Там же IV, 140), с.-хорв. *škrap* 'гусеница' (RJA XV, 314), в.-луж. *škorawu* (Pfuhl 719), н.-луж. *škorawu* 'шероховатый, негладкий' (Мука II, 649), польск. диал. *krorawu* 'бугристый, неровный' < **korpawъ*³, др.-польск. *skorawu* 'шероховатый, шершавый' (Варшавский словарь VI, 179), кашуб. *kror* 'мешковатая выпуклость в пищеводе птиц, зоб; хохолок мешка' и др. (Sychta II, 258) и др. Сюда же возможно включение с.-хорв. *škrap* 'мелкий камень', *škrapa* 'углубление, яма' (RJA XVII, 677). Все эти разнообразные значения скрепляются общим для них признаком 'изгиб, извив, выпуклость' → 'неровность, бугристость', 'извилистость'⁴. Р-расширение обнаруживается также в родственных формах других и.е. языков: др.-греч. *κάρφη* 'сепо', др.-внд. *karparas* 'череп, чаша', алб. *karpa* 'скала', лит. *kārpa* 'бородавка', лтш. *kārpa* 'бородавка, мозоль', др.-исл. *skorpná* 'морщиться', исл. *korpa* 'морщина, складка' и др.

**korbъ* / **skorbъ*, **korba* / **skorba*: русское диалектное *короб* 'плетеный кузов, повозка или сани (часто с плетеным кузовом); куча, ворох чего-либо; мера дров; утроба', *рачий короб* 'о неуклюжем человеке', *ходить коробом* 'быть беременной', *короба* 'коробка из липовой коры', *коробистый* 'искривленный, прогнутый' (Филин 14, 343—345), *скороб* 'короб' (Даль IV, 204), белорусское *кораб*, *карба* 'короб' (Носович 247), диалектное *кѳраб* 'корзина кувшинном; глубокая телега' (Касьянович 165), 'дымоход'⁵, *карба* 'большой короб'⁶, *карабаты* 'неровный, искривленный, погнутый', диал. *карабатая* (о кошке) 'беременная' (Матэрыялы для дыял. сл. Гомельшчыны 211), укр. *короб* 'род корзины, ящика из луба или прутьев' (Гринченко II, 285), диал. *скороб* 'Korbmuschel' (Желеховский II, 876), др.-чеш. *krabatý* (Gebauer I, 122), чеш. *krabatý* 'покоробившийся, морщинистый; неровный, шероховатый', словен. *škrablja* 'коробка', *škrabljavica* 'неровная поверхность; дорога в ухабах' (Pleteršnik II, 496), с.-хорв. *шкрабија* 'коробка' и др. Основные значения указанных праславянских единиц — 'выпуклость, изогнутость'. Формы с *b*-расширением имеются и в неславянских языках: нем. *Korb* 'корзина, короб', *skirbi* 'глиняный горшок, черепок', *Scherbe* 'горшок' < и.е. **(s)ker-* 'плести'⁷, лат. *corbis* 'корзина'.
**körtъ* / **skörtъ*: русск. диал. *кортки* мн. 'плечи', *корточки* мн. 'плечи; верхняя часть спины' (Филин 14, 374, 376), *корточки* мн. в сочетании *сесть на корточки* 'сесть на согнутые в коленях ноги', блр. *картўль* 'низкорослый'⁸, антропоним *Картуль* (Бірыла 183), *картаноси* 'курносый'⁹ < 'с загнутым носом', с.-хорв. *шкрѳт* 'скряга' (Толстой¹ 1085), словен. *škrt* 'царапина', *škrtá* 'завурина, выемка', *škrt* 'скряга' (Pleteršnik II, 637), чеш. *škrtiti* 'жать, сжимать, душить; скуниться, скаредничать', но имеющее этимологию (Machek² 614) и др.¹⁰ Исходным для праслав. **körtъ* / **skörtъ* могло

быть значенне 'нечто кривое, согнутое, сжатое', из которого естественны 'скупои' ¹¹, 'неровность, зазубрина' и др. Т-расширение подтверждается также неславянским материалом: греч. *κρῦτος* 'кривой', лат. *crālis* 'вязанка хвороста; сплетенные; решетка, загон; борона; позвоночный столб', др.-инд. *cr̥tāti* 'вяжет, скрепляет', др.-прусс. *kartano* 'жердь' и др.

**kordъ* / **skordъ*, **korda* / **skorda*: рус.-ц.-слав. *кpada* 'костер; устроитво для разведения огня; жертвенник, алтарь', *кpada огненная* 'молния' (СлРЯ XI—XVII вв. 8, 5), *скpada* то же, рус. диал. *скpода* 'борона' (Даль³ IV, 209), блр. диал. *скapada* (*скopода*) 'всходы' ¹², 'осока пальчатая' (Касьярович 234), укр. диал. *кopода* 'сильно суковатое дерево' (Желеховский I, 367), *скopода* 'всходы' (Лисенко 195), словен. *krada* 'костер' (Pleteršnik I, 431), в.-луж. *škradawa*, н.-луж. *krodawa* 'жаба' (Muka I, 647), др.-чеш. *krada* 'огниво, Feuerzeug' (Gebauer I, 122), польск. диал. *krada* 'куча снопов на поле' (Sławski II, 152), *skroda galęzi* 'куча веток, хвороста' (Варшавский словарь VI, 180) и др. Генетическая семантика 'нечто кривое, изгиб, извив', предполагаемая для указанных праславянских форм, могла быть исходной для 'кривое, суковатое дерево' → 'борона', 'куча снопов и под.', 'различного рода приспособления', 'всходы' и др. ¹³. В этом же плане получает семантическую мотивировку название молнии *кpada огненная*: это название молнии могло быть дано по свойственной для нее примете — изгибу, извищу линии.

**korkъ* / **skorkъ*, **korka* / **skorka*, описанные нами ранее ¹⁴, к-расширение которых подтверждается неславянским материалом: греч. *καρκίνος* 'рак', др.-инд. *karkari* 'кувшин', *karkata* 'рак' и др.

**korgъ* / **skorgъ*, **korga* / **skorga*: рус. диал. *кopог* 'штевни носовой части судна; недолбленный конец корыта', *кopог* 'мера длины, равная ширине ладони', *кopогáточка* 'палка с разветвлением на конце, которой размешивают муку с водой, мутовка' (Филин 14, 358), в связи с которым болг. диал. *кpаг* 'круглая лопата для метания хлеба в печь; доска обычно круглой формы для раскатывания теста', макед. *кpаг* 'округлая лопатка для размешивания теста' (Конески I, 360), толкуемые из *кpъг* как результат местных фонетических изменений (БЕР II, 703), получают статус регулярных форм исходного **korgъ*, рус. диал. *кopогод* 'хоровод; укладка снопов' (Филин 14, 358), блр. *кapагод* 'хоровод', диал. 'мотовило' (Касьярович 154), антропонимы *Кapагод*, *Кapагода* (Бирьла 183), *Скopогодъ* ¹⁵ < праслав. *(s)*korgodъ* ¹⁶, блр. *кapагá* мн. 'игра в гордки' ¹⁷, с.-хорв. антропонимы *Kpага*, *Kpагá* (RJA V, 432) и др.

**korъ* / **skorъ*, **korsa* / **skorsa*: рус. диал. *кopос* 'стог из снопов льна', *кopосы* мн. 'жерди для сушки льна' (Даль II, 169), *кopоса* 'большая укладка снопов ячменя', *кopоса* мн. 'копны конопли' (Филин 14, 365), *скopосый*, *скopосоватый* 'торопливый; опрометчивый, всыльчивый' (Даль IV, 205), блр. ойконим *Кapасá* мн. на Минщине ¹⁸, болг. диал. *кpаса*, макед. *кpаса*, с.-хорв. *krása* 'змея', которые связываются обычно с *кpасá*, *кpасный* 'красивый' и объясняются как названия, данные змее по соображениям табу (БЕР II, 717; Конески I, 361), либо соотносятся с и.-е. **korp-s-* 'резать' (Мла-

денов 255), с.-хорв. *krása* 'каменистая земля', *krás* 'гребень горы', *Kras* — название горы (RJA V, 465), чеш. *kras* 'карст' и др. Исходное значение 'изгиб, кривизна, извив' названных праславянских форм эволюционировало в двух направлениях: 'кривизна, изгиб' → 'выступ, выпуклость' → 'гребень горы' (откуда и собственное название), 'стог, копна'; 'кривизна, изгиб, извив' → 'змея' (ср. нем. *wurm* 'змея, червь' < и.-е. **wer-* 'гнуть, крутить, вертеть' и др.). Неславянский материал также может засвидетельствовать s-расширение. Ср. греч. *κopάτι*, откуда лат. *corso* 'поясной карниз', лит. *karsa* 'крутой берег' ¹⁹, 'пещера', объясняемое К. Бугой из и.-е. **korl-s-ā* ²⁰, фрак. *Σκαρσίνη* — эпитет Геры ²¹ и др.

**korъ* / **korza*: рус. диал. *кopоз* 'ковш', не имеющее этимологии (Фасмер II, 322), блр. диал. *скopобзати* 'некачественно, неаккуратно сделать (сплести, выткать и др.)', *скopобзаний* 'некачественно, неаккуратно сделанный (сплетенный, вытканный, сложенный и др.)' ²², *Кapбза* — антропоним (Бирьла 187), *Кapбзичи* — ойконим на Гродненщине ²³, в.-луж. *kroza* 'складка, сборка; морщина; завиток', *krozaty* 'кудрявый' (Pfuhl 292) и др. Ср. также возможность восстановления многих славянских единиц с основой **kъrz-* ²⁴, этимология которых разрешается в нашем гнезде. Следы с z-распространением обнаруживаются и в других и.-е. языках: лтш. *kurzāt* 'плохо шить, чинить' и др.

**korlъ*: рус. диал. *кopолёк* 'низкорослый; кровавая мозоль; птица *Regulus cristabus* Koch.' и др. (Филин 14, 361), блр. диал. *кapолъ* 'остаток окорока' (в плане семантики ср. лит. *kuñpis* 'окорок' < *kuñps* 'кривой, изогнутый'), *кapалi* мн. 'суставы задней ноги', *кapбалi* 'педоросток', *кapалёк* 'маленькая птичка из семейства воробьиных' ²⁵, *кapалёк* 'голенка' ²⁶, укр. диал. *кopоль* 'род игры в бильярд; веселая хороводная игра' (Гринченко II, 286) (ср. также названия хороводных игр типа *выюн*, *змея* (*змейка*), *кopогод*, *кочерга*, *зрещик* и др.), полесск. *кopбá*, -*бá* 'шест, который прижимают снопы, сено и под. на возу' (Лисенко 92), с.-хорв. *кpальица* 'брыжейка' (Толстой¹ 354), польск. диал. *krolić* 'морщить, собирать в складки' — слово без этимологии (Sławski II, 157) и др. Сюда же многочисленные славянские ономастические названия с основой **korl-* — антропонимы, топонимы, гидронимы.

В исследуемом гнезде, на наш взгляд, появляется возможность этимологического истолкования общеславянского **korlъ* 'король', основой для которого, по мнению многих этимологов, является имя Карла Великого — короля франков, 8—9 вв. (см. этимологические словари славянских языков), в чем справедливо сомневались Ф. Ф. Фортунатов, А. И. Соболевский ²⁷, А. Маценауэр и др. Ср. также множество славянских единиц с основой **kъrl-* / **skъrl-* с исходным значением 'согнутый, скрюченный', естественно объясняющихся в данном гнезде, и др. ²⁸

В праславянской детерминативации трудным остается вопрос о *ž*, *č*, *š*-детерминативах, поскольку эти согласные могли появляться из *g*, *k*, *x* как их палатализованные варианты (**korka* — **korčiti*, **kъrgъ* — **kъržънь*, **kъrxъ* — **kъršънь*), из сочетаний *gj*, *kj*, *xj*

(*skǫrga — *skǫrgja > *skǫrǝa, *kǫrka — *kǫrkja > *kǫrča, *kǫrxъ — *kǫxъ > *kǫršb) и др. Реконструкция единиц типа *kǫrǝavъbъ, *kǫrčavъbъ, *kǫršavъbъ или *kǫrǝinъbъ, *kǫrčunъbъ, *kǫršinъbъ и т. п. позволяет говорить и о детерминативах ž, č, š, т. е. исключить в словах этого типа j-прокладку (*kǫrg-j-avъbъ, *kǫrk-j-avъbъ, *kǫrx-j-avъbъ и т. д.).

К сказанному следует добавить, что детерминативация в равной степени была присуща всем апофоническим ступеням, которые обнаруживаются в парадигме исследуемых корней, а последовательно обнаруживаются апофонические варианты, отражающие качественные и количественные чередования (*ker- > *čer- / *kǫr- > *čǫr- || *kor- / *kǫr-). Причем почти каждая из единиц в любой апофонической ступени имела параллель с s-mobile, что удваивало число членов генетического гнезда (*(s)ker- > *(š)čer- / *(s)kǫr- > *(š)čǫr- || *(s)kor- / *(s)kǫr-).

Таким образом, такая стадия линейного расширения и.е. корня на плавный r или l, как детерминативация, полностью определялась консонантной системой языка, в чем и состоит связь фонологической и словообразовательной систем праславянского языка.

Примечания

- 1 Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955; Малева Э. А. Реконструкция индоевропейского этимона. — ВЯ, 1967, 4 и др.
- 2 В нашей работе не ставится проблема разграничения и.е. *(s)ker- 'гнуть; крутить, вращать; плести' и *(s)ker- 'резать', так как в принципе возможно генетическое тождество этих корней, о чем писал О. Н. Трубачев. См.: Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, 247 и след.
- 3 Реконструкция праслав. *kǫrǝavъ на польско-украинском материале дана Ф. Славским (Sławski II, 131), хотя генетические связи его не указаны.
- 4 К сожалению, моменты семантического обоснования включения той или иной славянской единицы в исследуемое гнездо в тексте статьи отсутствуют ввиду ограничений в объеме.
- 5 Тураўскі слоўнік / Склад. А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін. Мінск, 1982, 2, 249.
- 6 Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Мінск, 1980, 2, 411.
- 7 Названные германские формы в отношении к и.е. *(s)ker- 'плести' рассмотрены О. Н. Трубачевым. См.: Трубачев О. Н. Указ. соч., 269.
- 8 Материалы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак / Пад рэд. М. А. Жыдовіч. Мінск, 1977, 62.
- 9 Слоўнік беларускіх гаворак. . . , 2, 424.
- 10 См. также: Куркина Л. В. Славянские этимологии. IV. — В кн.: Этимология. 1975. М., 1977, 13 и след.
- 11 О семантической модели 'сжатый, согнутый' → 'скупой' см.: Петлева И. П. О семантических истоках слов со значением 'скупой' в русском языке. — В кн.: Этимология. 1970. М., 1972, 207 и след.; Варбот Ж. Ж. Заметки по славянской этимологии. — Там же, 70.
- 12 Дыялекталогічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963, 848—849; Выгонная Л. Т. Полесская земледельческая лексика. — В кн.: Лексика Полесья. М., 1968, 124.
- 13 См. также Меркулова В. А. Украинские этимологии. I. — В кн.: Этимология. 1973. М., 1975, 55 и след.
- 14 Козлова Р. М. Образование с корнем *(s)korǝ- / *(s)korč- в славянских языках. — В кн.: Этимология. 1982. М., 1984.

- 15 Котков И. С. Очерки по лексике южнославянской письменности XI—XVII веков. М., 1970, 252.
- 16 Об этимологии корогов см.: Козлова Р. М. Этимологические заметки по славянской лексике. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. Вып. X.
- 17 Тураўскі слоўнік, 2, 249.
- 18 Рапановіч Я. Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Мінскай вобласці. Мінск, 1981, 127.
- 19 Невская Л. Г. Балтийская географическая терминология. М., 1977, 37.
- 20 Вига К. Rinktiniai Raštai, I. Vilnius, 1959, 308.
- 21 Топоров В. Н. Фракийско-балтийские языковые параллели. — В кн.: Балканский лингвистический сборник. М., 1977, 98.
- 22 Клімчук Ф. Д. З лексікі цэнтральнага Загароддзя. — В кн.: З народнага слоўніка. Мінск, 1975, 149.
- 23 Рапановіч Я. Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Гродзенскай вобласці. Мінск, 1982, 115.
- 24 Горячева Т. В. Этимологические заметки. — В кн.: Этимология. 1976. М., 1978, 55 и след.
- 25 Слоўнік беларускіх гаворак, 2, 413, 421—422.
- 26 Корань П. Д. Да палескага дыялектнага слоўніка. — В кн.: З народнага слоўніка, 157.
- 27 Соболевский А. Несколько заметок по славянскому вокализму и лексике. — РФВ LXXI, 1914, вып. 2, № 2, 435—436.
- 28 Реконструкция лексических единиц с расширениями m, n, v, x, j, c, т. е. с основами *korm- / *skorm-, *korn- / *skorn-, *korp- / *skorp-, *korc- / *skorc-, *korǝ- / *skorǝ-, *korj- / *skorj- сята ввиду ограниченного объема статьи.

В. Т. Коломнец

НАЗВАНИЯ ДОРОГ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Дороги играют важную роль в жизни людей уже с доисторических времен. Сохранилось по меньшей мере одно общиндоевропейское название дороги и значительное количество соответствующих названий, собственных отдельным группам индоевропейских языков (от одной до четырех) и отдельным языкам или диалектам. Большинство зафиксированных названий является этимологически прозрачными в данных языках производными образованиями. Этимологические связи остальных названий раскрываются путем научного анализа, однако не во всех случаях исчерпывающим образом.

Для выяснения генетических связей (и, в частности, семантической мотивации) этимологически непрозрачных названий дорог целесообразно учитывать характер мотивации синонимичных названий с прозрачными словообразовательными связями. Относящийся сюда богатый материал славянских языков был рассмотрен Л. В. Куркиной (Этимология. 1968, с. 92—105). Обычно названия дорог образуются от глаголов передвижения (рус. *ход*, *проход*, *проезд*, *брод*, чеш. словац. *chodník* 'тротуар', с.-хорв. *prélaz* 'переход, переезд, переправа, брод', словен. *prélaz* 'горный проход, перевал', лит. *eismė* 'тропа', *péreja* 'переход, перевал', *brastà* 'брод', *kėlias* 'дорога, путь' (от *kėlti* 'поднимать, двигать, перевозить'), *tākas* 'тропа'